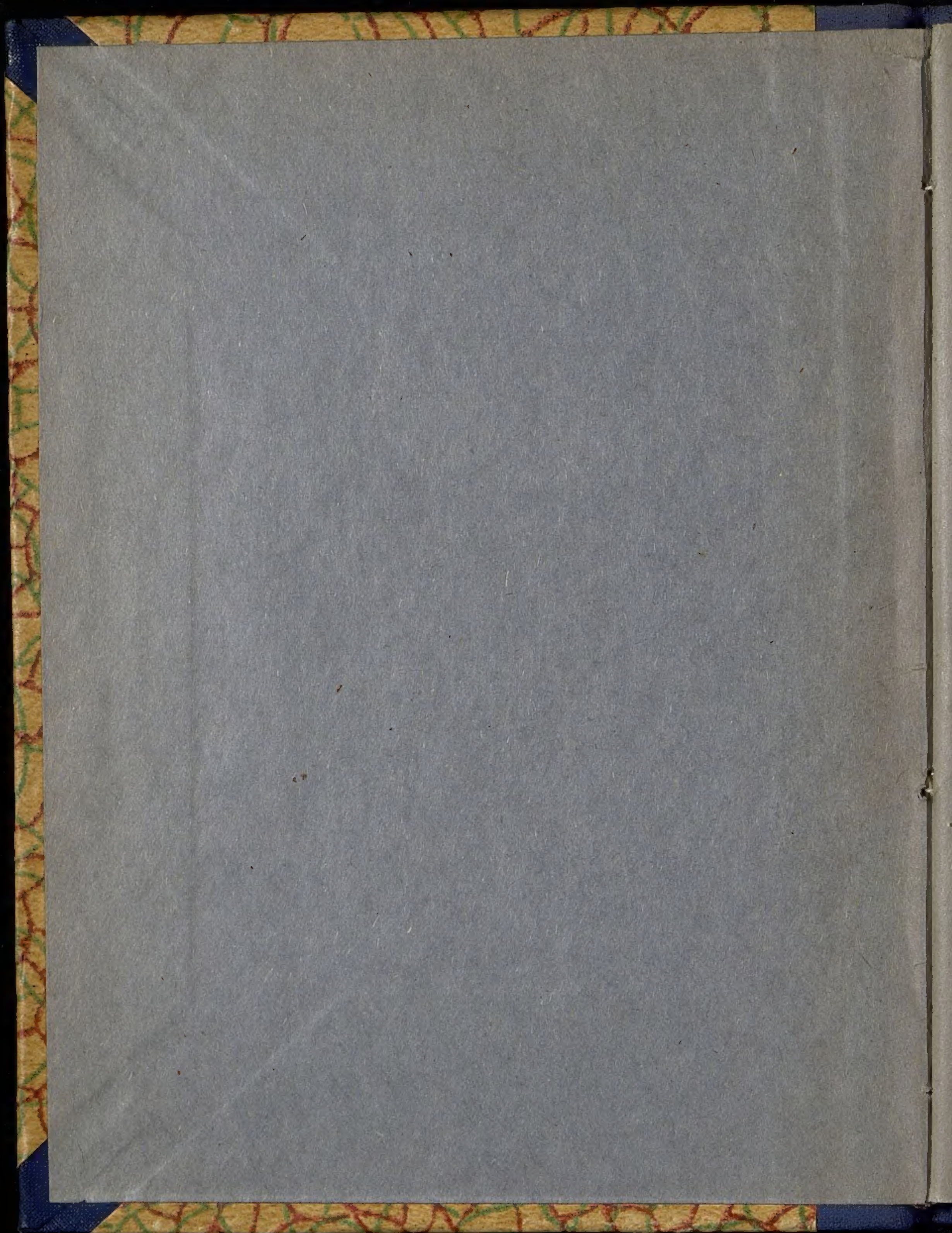
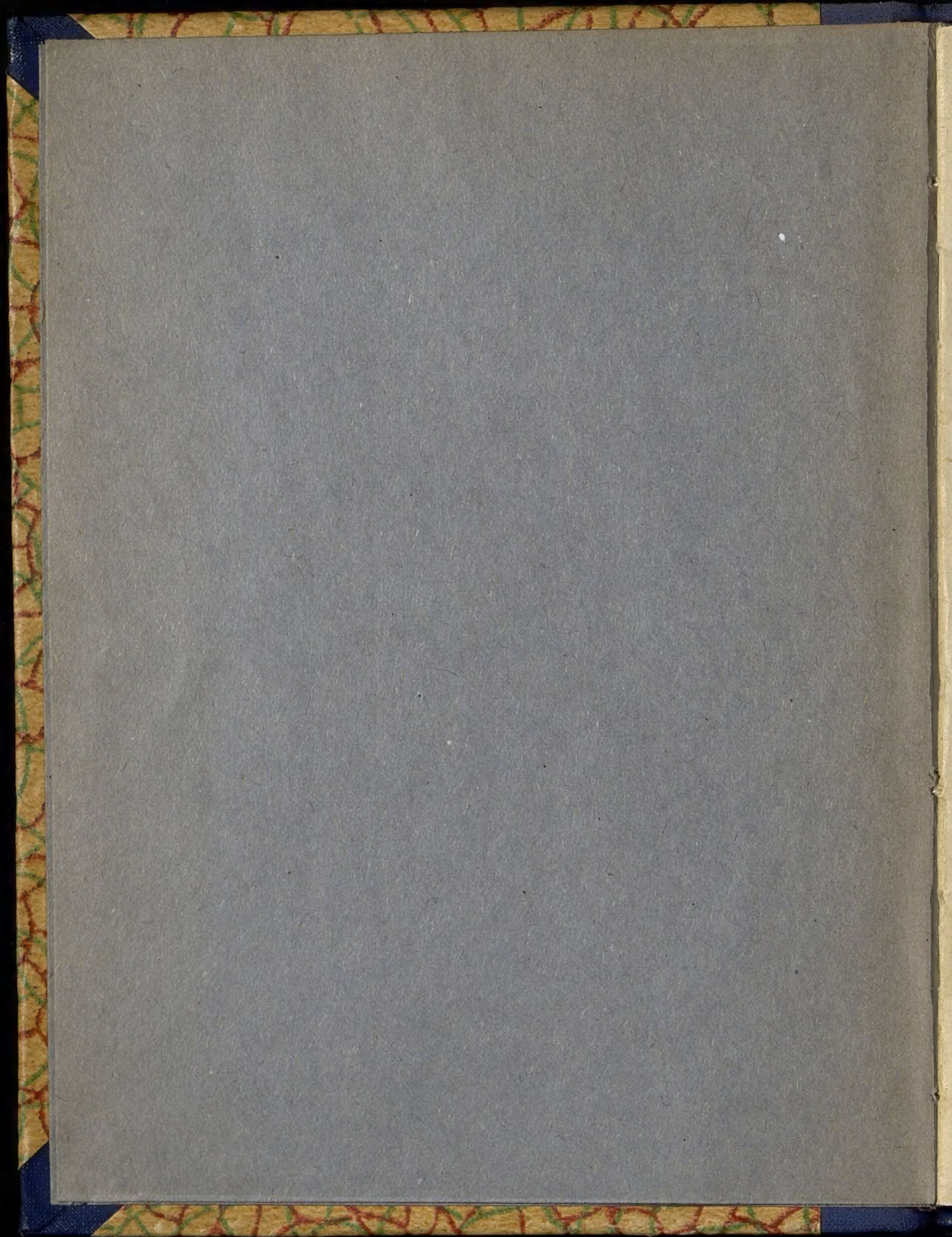

М. КРИЦМАН

В НЕЗАБЫВАЕМОМ ПОХОДЕ

КРЫМИЗДАТ. 1948

Капитан-лейтенант М. КРИЦМАН

В НЕЗАБЫВАЕМОМ ПОХОДЕ

Товарищ И. В. Сталин в гостях у военных моряков Черноморского флота

Второе издание

КРЫМИЗДАТ
Симферополь. 1948

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Генералиссимус Советского Союза
И. В. СТАЛИН.

19 августа 1947 года войдёт в историю Черноморского флота как особо знаменательная дата.

В этот прекрасный летний день великий Сталин совершил поход по Чёрному морю, находясь на борту одного из лучших кораблей Черноморского Военно-Морского флота—крейсера „Молотов“.

Каждому советскому человеку понятны те чувства, с которыми мы, черноморцы, встречали великого Сталина. Теперь, вспоминая тот день, невольно хочется заглянуть в дневник и ещё раз прочесть волнующие записи.

...18 августа 1947 года есть такая запись: „Около 14 часов 00 минут из Ливадии в Севастополь позвонил мне тов. Поскребышев и сказал:

— Сейчас с Вами будет говорить... догадываетесь кто?

Я понял и ответил: „так точно“...

Ждать у телефонной трубки пришлось не долго. Скоро я услышал приветствовавший меня знакомый голос нашего дорогого вождя и друга Иосифа Виссарионовича Сталина“.

Итак, отсюда начинается история этой знаменательной даты для Черноморского флота.

Стало как-то особо легко на душе, торжественно, празднично. Вместе с тем чувство ответственности за выполнение важнейшего задания особо поднялось. Задание получено, его нужно выполнить безукоризненно, выполнить так, чтобы сам Сталин остался доволен.

После соответствующей подготовки кораблей к походу крейсер „Молотов“ в сопровождении двух эсминцев вышел из бухты легендарного Севастополя. Корабли легли на курс Ост. Стоя на мостике корабля, я наблюдал за работой экипажа корабля. Во всех действиях людей чувствовалась какая-то приподнятость. Каждый сознавал, что идём в необычный поход, и, естественно, каждому хотелось знать, куда идём, с какой целью. Но по правилам военно-морской службы до извест-

ного времени никто не должен знать того, что не положено. Каковы же были радость и изумление матросов, старшин и офицеров корабля, когда корабль стал на Ливадийском рейде и было объявлено, что сейчас на крейсер прибудет товарищ Сталин!

Итак, дорогой гость на борту крейсера „Молотов". Сомнений нет, мы в историческом походе. Какая прелестная бывает погода в августе на Чёрном море, у южного побережья Крыма! При этой изумительной погоде, при зеркальной поверхности залива крейсер снялся с якоря и лёг на курс 101°.

В этой брошюре не ставится задача описать все события, связанные с пребыванием товарища Сталина на борту крейсера „Молотов". Этот поход останется памятным навсегда для всех его участников.

Обычные вахты на корабле превратились в односменную вахту. Никто не хотел быть свободным от работы, каждый жаждал принять активное участие в этом историческом походе, каждый хотел что-то делать, что-то исполнять, чтобы засвидетельствовать, что он также обеспечивал выполнение особого задания.

Во время плавания было много волнующих минут, особо интересных бесед, фотографирований, встреч Иосифа Виссарионовича с личным составом корабля. Товарищ Сталин был в прекрасном настроении, шутил, острил, смеялся. Особенно он интересовался жизнью и бытом личного состава корабля и всего флота.

К концу плавания погода стала немного портиться, ветер свежел, появилась волна, но, несмотря на некоторые трудности, связанные с подходом катера к трапу, сход с площадки трапа на катер и переход катера от борта корабля с рейда Сочи к пирсу Сочинского порта—были исполнены безукоризненно. Сойдя на берег, товарищ Сталин, расставаясь с нами, выразил черноморцам благодарность.

Итак, исторический поход под флагом Генералиссимуса Сталина закончен. Особое задание выполнено на отлично. Выполнено так, что сам Сталин сказал: „Спасибо, товарищи черноморцы!"

— Служим Советскому Союзу, товарищ Генералиссимус! Всегда готовы для выполнения задач, поставленных Вами перед Черноморским Военно-Морским флотом!

Адмирал Ф. ОКТЯБРЬСКИЙ.

Ещё задолго до выхода крейсера из Южной бухты Севастополя на корабле установились напряжённость и тишина, которые так наглядно свидетельствуют о высокой дисциплине, о сознании экипажем своей ответственности. Командир корабля капитан 2 ранга Петров был во власти нарастающего волнения с той минуты, когда командующий флотом известил его о цели похода. В первый миг ему даже не поверилось, что на его долю выпало такое счастье. В таком приподнятом состоянии был не только командир. Каждый сигнальщик и машинист, радист и наблюдатель, турбинист и кок—все матросы, старшины и офицеры, узнав о цели похода, ощутили в себе необычайный прилив энергии и радости, выполняли свои обязанности с каким-то особым подъёмом и лёгкостью.

19 августа в 03.45 перед нами открылись бело-красно-зелёные огни ялтинского маяка. Когда мы находились уже достаточно близко от берега, командир корабля передвинул стрелку машинного телеграфа на „малый ход“. Крейсер, движимый силой инерции, быстро сближался с берегом, где мерцали огни, рассыпанные, как жемчуг на чёрном бархате.

Две минуты крейсер шёл малым ходом, а затем в машинное отделение поступила команда: „Стоп“. За кормой сразу стихло. Командир приказал: „Задний ход“, а вслед за этим распорядился: „Отдать правый якорь!“. Якорь с грохотом упал в воду.

Командир приказал сигнальщикам усилить наблюдение за берегом, особенно за дорогой, ведущей из Севастополя в Ялту.

Петров с нетерпением ждал подхода катера, но в то же время ему хотелось, чтобы время шло медленней, дабы иметь возможность ещё и ещё раз продумать каждое слово, с которым он встретит самого великого человека в мире. Командир корабля был предупреждён о том, что товарищ Сталин просил не играть большого сбора, не рапортовать, а встретить как можно проще. Командир снова и снова посматривал на вахтенных матросов, поставленных для принятия концов с катера. Обычно капитан 2 ранга Петров избегает лишних команд и приказаний, и сейчас, несмотря на большое волнение, он остался верен себе.

Корабль стоял на ялтинском рейде. Тем временем адмиралы Юмашев и Октябрьский отправились с генерал-лейтенантом Власиком в Ливадийский дворец, где их тепло и радушно встретил товарищ Сталин и пригласил к столу. Во время завтрака товарищ Сталин провозгласил здравицу в честь советского Военно-Морского Флота. Вскоре после этого товарищ Сталин вместе с сопровождавшими его лицами сел в машину и направился к пристани.

В 05.51 от ялтинской пристани отвалил сторожевой катер и направился к нашему кораблю. В 06.00 товарищ Сталин поднялся по трапу. Едва он переступил с верхней площадки трапа на стальную броню палубы, как раздался взволнованный голос капитана 2 ранга Петрова:

— Товарищ Сталин! Командир крейсера...

Тут докладывающий на какой-то миг запнулся. Товарищ Сталин, видя волнение командира,

ободряюще улыбнулся, и т. Петров, овладев собой, закончил короткий доклад.

Товарищ Сталин поздоровался с командиром и вслед за тем высоко поднятой рукой приветствовал всех, находящихся на палубе. Это было характерное сталинское приветствие, так хорошо знакомое миллионам советских людей. Иосиф Виссарионович был в плащ-пальто стального цвета. Из-под малинового околыша фуражки виднелись поседевшие волосы, отливавшие на солнце серебром. Черты дорогого лица вызывали в каждом из нас бурю счастья и восторга. Не верилось, что мы стоим так близко к великому Сталину, и хотелось навечно продлить эти минуты.

Товарищ Сталин окинул моряков, собравшихся на палубе, ласковым взором. Мы почувствовали непередаваемую силу очарования, какую испытывают советские люди, встречаясь с Иосифом Виссарионовичем.

После приветствия товарищ Сталин перевёл свой взор на командующего Черноморским флотом, выразив этим готовность продолжать путь. Адмирал Октябрьский пригласил товарища Сталина пройти на правый шкафут. За товарищем Сталиным последовали сопровождавшие его лица: тт. Косыгин, Поскребышев, адмирал Юмашев и контр-адмирал Бондаренко.

Товарищ Сталин шёл по палубе, не торопясь, осматривая всё, что встречалось на пути. Его взгляд выражал удовлетворение виденным и похвалу экипажу за хорошее состояние крейсера. Затем он поднялся по правому трапу на мостик и прошёл по палубе, ведущей в каюту флагмана.

Командир корабля, поспешивший на мостик, чтобы отдать приказание о съёмке корабля с якоря, по-

делился с офицерами впечатлениями от первой встречи с товарищем Сталиным.

В 06.08 крейсер „Молотов“ снялся с якоря. Вскоре корабль лёг на свой основной курс.

И только теперь командир, стоя на мостике, получил возможность собраться с мыслями, подумать о том, как велико его счастье. Мысленным взором он окинул свою тридцатитрёхлетнюю жизнь. В его памяти всплыл далёкий августовский день, когда он, семнадцатилетний деревенский парень, переступил порог высшего военно-морского училища. Он вспомнил многие яркие дни своей жизни. Но самым счастливым был этот, сегодняшний, прекрасный и лучезарный день, когда сам товарищ Сталин пожал ему руку.

Среди матросов и старшин царило необычайное оживление, слышались идущие из глубин самого сердца слова:

— Сам Сталин на нашем корабле! И сейчас не верится...

— Какой простой он!

— Великий и простой!

— Теперь все завидовать нам будут!..

— Третий раз я вижу товарища Сталина, но никогда ещё так близко не приходилось...

— Товарищи, давайте потише ходить, товарищ Сталин, наверное, устал с дороги...

Это больше всего относилось к тем, кто находился на прожекторном мостике, расположенном над самой флагманской каютой. Здесь нёс вахту наблюдателя за воздухом матрос Баранов. Спокойный и сосредоточенный, он весь превратился в слух и зрение.

Никто не слышал ни единого звука, когда Баранов доложил: „Самолёт с правого борта, 5—10,

дистанция 100 кабельтовых". Прошло немного времени, и снова последовал его доклад: „Самолёт с левого борта, 5—10, дистанция 120 кабельтовых".

Немного отдохнув, товарищ Сталин вышел из каюты и направился на палубу. В тамбуре он повстречался с матросом Сериковым—рассыльным флагмана. Ласково взглянув на матроса, как на сына, товарищ Сталин сказал:

— Здравствуйте!

Сначала матрос смутился, но тут же придя в себя, громко и чётко ответил:

— Здравия желаю, товарищ Генералиссимус Советского Союза!

На палубе, в сторону каюты флагмана, в течение всего времени, пока там находился товарищ Сталин, было устремлено множество глаз, ожидавших его появления. Теперь, после того как товарищ Сталин снял плащ-пальто, он был в костюме стального цвета. Он держал в руках фуражку защитного цвета, ту самую, которую мы привыкли видеть на нём в предвоенные годы. Все мы стремились уловить каждый его взгляд, но в то же время стеснялись прямо и открыто смотреть на Иосифа Виссарионовича, считая это бестактным. Матросы собирались по 2—3 человека у шлюпок, торпедных аппаратов, у орудий и в особенности на кормовом мостике. Все с затаённым дыханием и любовью следили за каждым жестом товарища Сталина.

Иосиф Виссарионович внимательно наблюдал за работой сигнальщиков и всех, кто нёс верхнюю вахту. Подойдя к самому обрезу правого крыла самолётной площадки, товарищ Сталин остановился у низенькой тумбы—основания, предназначенного для установки орудия, и сел на лист железа, которым была покрыта тумба. Так сидел он, глубоко

задумавшись, подобрав ноги, почти на корточках, облокотившись на колени.

Видя, что товарищ Сталин сел на низкую железную тумбу, старшина I статьи Зайцев мигом побежал в каюту, принёс кресло и осторожно поставил его подле дорогого гостя. Находившийся вблизи генерал перенёс кресло вперёд и сказал:

— Товарищ Сталин, садитесь, пожалуйста, в кресло, здесь удобнее.

Товарищ Сталин обернулся и, увидев старшину, по его глазам догадался, кто принёс кресло. Ласковым взором он поблагодарил моряка и тихо промолвил:

— Ничего. Я посижу здесь.

Товарищ Сталин вынул из правого кармана трубку со светложёлтым мундштуком. Выбив её о каблук, он достал из левого кармана две папиросы, сломал их и высыпал табак в трубку. Нагнув голову, он стал на ветру раскуривать трубку. В этот момент мы увидели товарища Сталина в знакомой позе, известной по фотографии, на которой он раскуривает трубку.

Стоявший рядом со мной котельный машинист, недавно сменившийся с вахты, а до того почти двое суток работавший без отдыха на ремонте котла, тихо сказал: „Пойду подменю старшину. Ему тоже хочется увидеть товарища Сталина“.

Когда котельный машинист ушёл, я обратил внимание на то, что подобных подмен было немало. То и дело поднимались из трюмов и кубриков вахтенные и дежурные, которых подменили товарищи, чтобы доставить им радость видеть товарища Сталина. Взволнованные и сияющие, стараясь запомнить черты дорогого лица, они скромно стояли в сторонке, чувствуя, что эти короткие минуты они

пронесут через всю свою жизнь и эти минуты будут ярко светить им везде и всегда.

Я видел, как матросы, сменившиеся с тяжёлой вахты у котлов и машин, не шли отдыхать, а переодевались в праздничную форму и выходили на верхнюю палубу, чтобы увидеть товарища Сталина. И часы до следующей вахты казались им короткими минутами.

Нельзя было не заметить, что все, кто был назначен на верхнюю вахту, желали нести её круглосуточно. Надо было видеть, с каким сожалением вахтенные передавали свои посты вновь заступающей смене. Матросы Алексеев и Лысов пришли на сигнальный мостик задолго до начала их вахты и были очень опечалены, когда им приказали спуститься вниз. Матрос Силаев, сдав пост сменщику, задержался на мостике. Старшине пришлось и его попросить отправиться на отдых. Он сочувствовал бойцам, но служебный долг не позволял поступать по-иному. Старшина Миляев, „злоупотребив“ своей властью, подменил вахтенного матроса у стереотрубы: никогда до этого старшины такую вахту не несли. „Схитрил наш старшина“,—говорили матросы.

Сознание моряков, что на их корабле находится товарищ Сталин, делало их счастливыми. Всем хотелось усердным трудом оправдать высокое доверие и заслужить право называть себя участником этого исторического похода.

В кубриках, в кают-компаниях, на полубаке в этот день можно было услышать много волнующих историй, связанных с именем товарища Сталина. Не было моряка, у которого не нашлось бы интересного рассказа о Сталине. Вместе с подлинными фактами были поведаны чудесные легенды и сказы, которые слагаются в народе о великом вожде.

Внимательно осматривая крейсер, товарищ Сталин расспрашивал о тактико-технических данных корабля, о его поведении в различных условиях, об освоении материальной части личным составом, о том, как живут матросы и чем занимаются в свободное время. Он интересовался, как офицеры воспитывают матросов и старшин, ознакомился с многотиражной газетой, выпущенной к моменту его прибытия на крейсер.

Хотя товарищ Сталин по приходе на корабль сказал, что он пришёл сюда отдыхать, шутя при этом добавив, что он, как и каждый советский гражданин, имеет право на отдых, он в течение своего пребывания на корабле много работал. Иосиф Виссарионович подробно беседовал с людьми о нуждах флота, о подготовке кадров военных моряков, о преимуществах одних классов и типов кораблей перед другими, интересовался восстановлением Севастополя.

Обратившись к тов. Косыгину, И. В. Сталин сказал:

— Познакомьтесь поближе с жизнью, питанием, обмундированием и бытовыми условиями моряков. Они достойны, чтобы о них хорошо заботились.

После этого товарищ Сталин ушёл в каюту отдыхать.

На крейсере был поднят сигнал о начале обеда. В это время тов. Косыгин направился снимать пробу с обеда, приготовленного в матросском камбузе. Он попросил, чтобы ему дали в качественном и количественном отношении то, что получает матрос на обед. Ему подали миску наваристого флотского борща, порцию второго блюда—рис с мясом, и сладкое—компот из сушёных фруктов. Попробовав пищу, тов. Косыгин сказал, что она приготовлена хорошо и что порции нормальные. Он

указал коку на то, что в борще недостаёт кореньев, которые улучшили бы его вкус. Затем тов. Косыгин спросил матросов, каково их мнение о пище, как они оценивают качество её приготовления. Он интересовался нормами и ассортиментом морского пайка, спросил, какие жиры получают на камбуз, обменялся мнением с адмиралом Юмашевым о качестве пищи и многих других вопросах жизни и быта моряков.

Знакомясь с кораблём, тов. Косыгин зашёл в башню главного калибра, рассматривал сложную боевую технику. Матросы с гордостью сказали ему, что эти мощные орудия построены на ленинградском заводе. Они рассказали, насколько совершенна и надёжна конструкция пушек, как моряки овладели множеством механизмов и приборов, помогающих управлять артиллерийским огнём. Беседа матросов с заместителем Председателя Совета Министров СССР протекала в непринужденной атмосфере.

Затем тов. Косыгин прошёл на ют, где находилось много моряков. Он интересовался, как матросы проводят своё свободное время, есть ли у них клуб, как организован досуг.

Тов. Косыгин спустился в машинное отделение. Его встретил чётким докладом старшина Дарбайсели. Приняв доклад, он пожал старшине руку и попросил рассказать об устройстве механизмов, находящихся в его заведывании. Говоря о принципе действия одного из агрегатов, старшина с гордостью заметил, что турбина изготовлена на харьковском заводе. Интересуясь условиями труда в машинном отделении, тов. Косыгин коснулся рукой вентилятора и спросил при этом, почему он горячий. Старшина пояснил, что температура нор-

мальная, во время выполнения боевых заданий бывала гораздо большая температура, но и в тех условиях личный состав успешно выполнял все приказания, поступавшие с ходового мостика. Тов. Косыгин спросил, не мало ли вентиляторов. Старшина объяснил, что сейчас работает только электровентилятор, но в запасе на случай нужды есть ещё и турбовентилятор.

— Почему же он не работает? — спросил тов. Косыгин.

— Нет надобности, температура вполне нормальная для работы, к тому же мы экономим топливо.

Тов. Косыгин с удовлетворением отметил, что хорошо поступают моряки, экономя топливо, но если, подчеркнул он, это будет отражаться на их здоровье, то подобного делать не следует. Затем он поинтересовался, сколько лет служит старшина. Узнав, что восемь, он спросил, на сколько лет старшина остался на сверхсрочную службу. Поблагодарив за объяснения, пожелав счастливого плавания и успехов в службе, тов. Косыгин поднялся на верхнюю палубу.

Солнце было ещё высоко, когда товарищ Сталин сошёл с мостика и направился на ют. Он был в своей военной форме.

Раздался взрыв восторженного „ура“ и гром рукоплесканий. Товарищ Сталин также ответил аплодисментами. Это была незабываемая встреча! На фоне кормовой орудийной башни собрались сыны трудового народа великой советской Отчизны—матросы, старшины и офицеры боевого корабля, чтобы выразить своему любимому отцу и учителю искреннюю любовь и беспредельную преданность.

— Да здравствует любимый вождь и учитель!

Товарищ Сталин направляется на ют крейсера „Молотов“ для встречи с матросами, старшинами и офицерами. Моряки, собравшиеся на юте, увидев товарища Сталина, встречают его восторженными аплодисментами и возгласами „ура“.

— Родному Сталину, ура!

Товарищ Сталин, обращаясь к генерал-лейтенанту Власику, сказал:

— Товарищ Юмашев просит сфотографироваться, придётся удовлетворить его просьбу.

Матросы, старшины и офицеры разместились полукругом. Товарищ Сталин прошёл к скамье и сел посередине. Яркое солнце, такое, о котором всегда мечтают фотографы, прямо светило в глаза. Взволнованные своей ответственной миссией, фотографы переходили с места на место, отыскивая наиболее удачные точки для съёмки. Сделав уже десятки снимков, они искали всё новые и новые варианты.

Товарищ Сталин шутя спросил:

— Так будете до утра фотографировать?

Сидевший подле него адмирал Октябрьский сказал:

— Они будут фотографировать, пока плёнка кончится.

— У них запас большой,—улыбаясь, чуть покачав головой, заметил товарищ Сталин и поднялся. Иосиф Виссарионович был в кругу моряков. Ласковым и внимательным взглядом он обвёл живое кольцо, и в этот миг раздались возгласы:

— Да здравствует товарищ Сталин!

— Ура-а-а!

Эти возгласы прозвучали, как эхо нескончаемого потока тех душевных приветствий и сердечных пожеланий, которые несутся по всем проводам и в эфире, на всех языках народов Советского Союза к тому, кто олицетворяет собою могущество, счастье и славу советской Отчизны, к тому, кто всех больше любим и близок трудящимся, чьё имя—символ Победы и счастья советских людей. Прекрасна была вся атмосфера величественного торжества,

где чувства многих людей слились в один могучий и неудержимый поток радости, который то и дело вырывался на морской простор криками „ура“.

Сопровождаемый матросами, товарищ Сталин вместе с генералами и адмиралами прошёл на полубак, и здесь повторилась та же картина—снова взрыв восторженных приветствий и гром рукоплесканий. Вновь засуетились фотографы. Здесь матросы смелее строились в группу, сплошь облепив орудийные башни, стараясь оказаться поближе к товарищу Сталину. Группа была велика, так что многие, естественно, не попали в поле зрения объектива, и товарищ Сталин заметил это. Он подошёл к самому молодому матросу— юнге Виктору Булавину— и спросил:

— Вы ещё не фотографировались?

— Нет,—ответил юноша.

— Ну, давайте сниматься вместе,—просто и добродушно сказал товарищ Сталин и развёл руками, показывая, где строиться группе. Тут фотограф заметил, что лучше повернуться немного в сторону, где благоприятнее освещение. Товарищ Сталин согласился, за ним мигом повернулась вся группа. Фотограф стал снимать, но тут заело ленту в аппарате. Товарищ Сталин, смеясь, сказал:

— Ну вот, со старой плёнкой приехали снимать...

К счастью, повреждение было быстро устранено. После съёмки товарищ Сталин протянул руку и ласково взял Булавина за подбородок, едва покрытый светлым шелковистым пушком, спросив при этом:

— Сколько лет вам? Как живёте и как вам нравится служба на корабле?

— Я... с тридцатого года, — запинаясь, ответил

Товарищ Сталин и товарищи Косыгин, Поскребышев, Юмашев и Октябрьский среди личного состава крейсера „Молотов“.

Виктор и умолк, совсем растерявшись. Его глаза сияли счастьем.

Этот юноша пережил в годы войны большую трагедию. Одиннадцати лет он испытал ужасы немецкой оккупации, лишился отца, которого гестаповцы повесили в Донбассе. Коммунист, оставшийся для подпольной работы в тылу врага, он был пойман в чайной, куда зашёл для встречи с товарищами. Виктор Булавин сейчас вспомнил подробности кошмара, творившегося в дни немецкой оккупации. Полицаи в течение трёх суток подряд, точно ищейки, рыскали в квартире арестованного рабочего, громя и грабя всё, что попадалось под руки. Виктор помнит, как мать, томимая голодом, ушла в деревню с новорождённым Павликом на руках. Обливаясь горькими слезами, мать прощалась с Виктором, шестилетней Анночкой и четырёхлетней Галочкой. Оставляя детей и не зная, доведётся ли ей увидеть их снова, мать просила соседей присматривать за сиротами. Крепка и надёжна дружба советских людей. Соседи Булавиных, такие же труженики, не оставили малышей без присмотра и помощи. Они делили последний кусок хлеба между своими и булавинскими детьми. Заботы и внимание чутких людей помогли малышам выжить, перенести ужас и страх, нужду и голод двух лет немецкой оккупации. И мальчик, лишившийся отца в детстве, испытывал сейчас особенную радость, почувствовав подлинно отеческую ласку Иосифа Виссарионовича.

Когда товарищ Сталин поднимался на мостик, адмирал Октябрьский сказал ему, что командир корабля ещё не фотографировался.

— А где же он?—спросил товарищ Сталин.

— Он на ходовом мостике. Ему по долгу службы нельзя отлучаться.

— Там к нему подниматься?—указывая на трап, спросил Иосиф Виссарионович.

— Так точно, товарищ Сталин.

— Ну идёмте,—сказал товарищ Сталин и направился к трапу.

Товарищ Сталин, собравшись фотографироваться с командиром, пригласил матросов и офицеров, находившихся на мостике. После того, как фотограф сделал несколько снимков, товарищ Сталин обратил внимание, что командир оказался не в первом ряду, и забеспокоился, что его не будет видно. Он попросил не заслонять командира.

Сфотографировавшись, товарищ Сталин спустился на сигнальный мостик. Сидя на правом его крыле, товарищ Сталин беседовал с адмиралами Юмашевым, Октябрьским и контр-адмиралом Бондаренко. Во время беседы адмирал Октябрьский спросил товарища Сталина, не пожелает ли он сделать запись в историческом журнале корабля. Иосиф Виссарионович изъявил согласие. Принесли корабельный журнал, в котором первая запись была сделана после закладки крейсера на Николаевской судоверфи. Товарищ Сталин внимательно просмотрел журнал, прочёл некоторые записи. Среди них он нашёл свою телеграмму, посланную из Кремля 21 марта 1945 года, текст которой гласил:

„Передайте морякам: краснофлотцам, старшинам и офицерам „Молотова“, собравшим 31 тысячу рублей для Липецкого детского дома, мой боевой привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин“.

На юте крейсера „Молотов". Товарищ Сталин фотографируется с моряками.

На следующей странице товарищ Сталин нашёл текст телеграммы товарища Молотова, отправленной из Кремля 17 июня 1945 года на имя командира крейсера:

„Благодарю Вас и личный состав корабля за дружеское приглашение принять участие в Вашем корабельном празднике. Желаю Вам и всему Черноморскому флоту, проведшему тяжёлую и, вместе с тем, славную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, расти и крепнуть на славу нашей Родины.

В. Молотов“.

Ознакомившись с записями, товарищ Сталин взял из рук адмирала Октябрьского ручку и зелёными чернилами на пятьдесят второй странице исторического журнала крейсера „Молотов“ записал:

„Командиру корабля „Молотов“ капитану II-го ранга т-щу Петрову.

Прошу передать всему личному составу крейсера „Молотов“ мой дружеский привет и пожелания успехов.

Да здравствует наш Черноморский военно-морской флот!

И. Сталин.

19 августа 1947 г.“.

Вскоре после этого товарищ Сталин перешёл на левое крыло сигнального мостика. Вдали уже вырисовывался сочинский берег, освещенный пламе-

нем заката. Иосиф Виссарионович продолжал беседовать с генералами и адмиралами.

Когда крейсер был уже близок к берегу, командир корабля доложил командующему флотом своё решение: в Сочи на якорь не становиться, удерживать корабль против течения работой машин, дабы прикрыть волну у трапа, где должен швартоваться катер, предназначенный для товарища Сталина. Получив „добро", командир несколько задержался и затем смущённо сказал: „Да, но как же мне проститься?" Тогда адмирал Юмашев, взяв командира за руку, подошёл с ним к товарищу Сталину и объяснил, что командир по роду службы не сможет его проводить и просит разрешения проститься с товарищем Сталиным заранее.

— А где он?—обернувшись, спросил товарищ Сталин и, увидя командира, ободряющим взглядом приблизил его к себе, протянул руку и сказал:

— Большое спасибо за гостеприимство.

Командир крейсера растроганно произнёс:

— Это самый счастливый день в моей жизни...

— Что вы, что вы!—мягко возразил товарищ Сталин, всё ещё продолжая пожимать руку моряка.

Капитан 2 ранга Петров пожелал товарищу Сталину долгих лет, здоровья и хорошего отдыха.

В 18.46 сторожевой катер вышел из Сочи.

Товарищ Сталин попросил не устраивать никаких торжественных проводов. Но и без сигнала большого сбора все моряки, свободные от вахты, были на палубе.

Заходящее солнце щедро разлило оранжевые потоки света. Товарищ Сталин, спустившись с мостика, шёл по палубе и ласковым, отеческим взглядом прощался с экипажем. В это время к крейсеру полным ходом шёл катер. Мы увидели на его борту

Командиру корабля „Молотов"
капитану II-го ранга т-щу Петрову.

Прошу передать всему
личному составу крейсера
„Молотов" мой дружеский
привет и пожелания успехов.

Да здравствует наш
Черноморский военно-
морской флот!

И. Сталин

19. августа 1947 г.

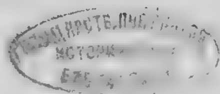
Запись товарища И. В. Сталина в корабельном журнале
крейсера „Молотов".

верного соратника товарища Сталина, того, чьё имя с гордостью носит наш корабль,—товарища В. М. Молотова. Товарищ Сталин перешёл на катер. Вместе с ним сошли с корабля на катер сопровождавшие его лица.

Поднеся руку к козырьку, Иосиф Виссарионович долго приветствовал моряков. Товарищ Молотов снял шляпу и также приветствовал экипаж корабля. Под мощное „ура“ сторожевой катер направился в Сочинский порт.

19 августа 1947 года—день пребывания товарища Сталина на крейсере „Молотов“—мы сохраним в наших сердцах и в памяти как счастливейший день нашей жизни.

Редактор *М. Сохань.* Техредактор *А. Фисенко.*
Фото *Н. Щеглова.* Корректор *Д. Заславская.*

НФ 00835. Объём 2 п. л. Тираж 10000 экз. Сдано в производство 9/VII—1948 г. Подписано к печати 16/VII—1948 г. Типография Крымиздата, Симферополь, ул. Кирова, 23. Заказ № 246.

Vl 2

Цена 1 р. 50 к.

